

ХАРЬКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію,   Выходятъ два раза въ
съ пересылкою и безъ пересылки,   мѣсяцъ,
пять руб.   1 и 15 чиселъ.

1-го МАРТА   № 5.   1878 года.

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

(Годъ второй).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Государь Императоръ, 4-го февраля, Высочайше со-
изволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Си-
нода о перемѣщеніи Викарія вятской епархіи, Епископа сара-
тульского *Павла*, на мѣсто Епископа чебоксарскаго, Викарія
казанской епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Въ-слѣдствіе того, что нѣкоторые причты въ расходныхъ
церковныхъ книгахъ въ статьяхъ подъ росписками наклеиваютъ
гербовыя марки, харьковская духовн. Консисторія постановили
и Его Пресвященство утвердилъ: дать знать причтамъ и
церковнымъ старостамъ епархіальныхъ церквей, чрезъ припе-
чтаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, что росписки, дѣлаемыя
подъ расходными статьями въ церковныхъ расходныхъ книгахъ,
оплатъ гербовымъ сборомъ не подлежатъ, а подлежатъ таковому
только счеты и росписки, писанныя на отдѣльныхъ листахъ.

Февраля 9 д., священникъ *Іоаннъ Дмитріевъ* утверждень законоучителемъ с. Сѣнной (богодух. у.) нач. народ. училища.

Февраля 14 д., помощникъ настоятеля Семереньковского прихода (ахтырск. у.) священникъ *Іоаннъ Николаевскій* награждень набедренникомъ.

Февраля 23 д., на праздное настоятельское мѣсто Поповскаго прихода (староб. у.) опредѣленъ сверхштатный священникъ *Тихонъ Кручининъ*.

РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ ПО ДУХОВНО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Купецъ *Федоръ Васильевичъ Куриловъ* утверждень почетнымъ блюстителемъ ахтырскаго духовнаго училища.

Смѣта прихода и расхода суммъ по содержанію ахтырскаго духовнаго училища, составленная правленіемъ онаго на 1878-й годъ, и согласно постановленію съѣзда духовенства ахтырскаго училищнаго округа, бывшаго 14/15 іюня 1877-го года, утвержденная Его Преосвященствомъ 4-го августа того-же года¹.

П р и х о д ъ.

Ожидается къ поступленію:

§ 1. Изъ государственнаго казначейства на содержаніе лицъ управленія и учащихся—3943 р. 60 к.

§ 2. Изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ на производство: а) классовыхъ кандидатскихъ окладовъ протоіереемъ А. Попову и В. Андріевскому 143 руб. и б) пенсіи бывшему учителю харьковской семинаріи И. Литвиненкову 257 р. 40 к. и бывшему помощнику смотрителя и учителю ахтырскаго дух. училища В. Бутовичу 150 руб. 15 коп. всего: 550 руб. 55 коп.

¹ Настоящая смѣта печатается къ свѣдѣнію и руководству духовенства ахтырскаго училищнаго округа при представленіи суммъ на содержаніе училища.

§ 3. Процентвъ на благотворительный капиталъ, состоящій въ 4% непрерывно-доходномъ билетѣ государственнаго банка 1044 руб. и въ 5% билетахъ въ 1000 и 500 руб.—116 р. 76 коп.

§ 4. Взноса отъ церквей округа: а) (соотвѣтственно взносу, производимому въ 1877-мъ году) на основаніи постановленія сѣзда духовенства отъ $\frac{4}{5}$ мая 1873-го года—3875 руб. 1 коп. и б) соотвѣтственно имѣющему быть взносу, опредѣленному 1877-го года $\frac{14}{15}$ іюня сѣздомъ духовенства училищнаго округа и утвержденному Его Преосвященствомъ Преосвященнѣйшимъ Саввою съ прибавкою 40 руб. на жалованье учителю приготовительнаго класса, по раскладкѣ на церкви суммы, превышающей приходъ смѣты на 1123 руб. 23 коп., всего: 4998 руб. 24 коп.

§ 5. Пожертвованій отъ монастырей харьковской епархіи, на основаніи указа Св. Синода отъ 15 октября 1870 года № 59, изъ суммы, вносимой по распредѣленію харьковской Консисторіи въ 1865-мъ году въ пособіе духовно-учебнымъ заведеніямъ отъ ахтырскаго 200 руб. и святогорскаго 600 руб., по числу четырехъ духовно-учебныхъ заведеній, содержимыхъ на епархіальныя средства—200 руб.

§ 6. За содержаніе въ училищномъ корпусѣ пансіонеровъ, примѣрно 5-ти полныхъ и 60-ти половинныхъ, полного пансіонера по 75 руб. и пансіонера по 40 руб. всего: 2775 рублей.

§ 7. Дохода, вырученнаго за продажу вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы—1050 руб.

§ 8. Отъ продажи своекоштнымъ воспитанникамъ находящихся въ запасѣ и вновь выписываемыхъ по мѣрѣ надобности учебниковъ и учебныхъ пособій.—150 рублей.

§ 9. За право обученія воспитанниковъ изъ другихъ сословій примѣрно 20-ти, полагая плату за cadaго изъ нихъ по 5 рублей въ годъ—100 руб. Всего: 13,884 руб. 15 коп.

Р а с х о д ъ.

§ 1. На содержаніе лицъ управленія и учащихся:

а) По штату изъ государственнаго казначейства—3943 руб. 60 к.

б) Изъ мѣстныхъ средствъ:

α) Учителю приготовительнаго класса—400 рублей.

β) Квартирныхъ смотрителю училища 250 руб. и пяти наставникамъ по 100 р. каждому—750 рублей.

γ) За преподаваніе гимнастики воспитанникамъ всѣхъ классовъ—60 рублей.

δ) Трѣмъ надзирателямъ—каждому по 200 руб. при казенной квартирѣ и столѣ—600 рублей.

ε) Училищному эконому при училищномъ столѣ и квартирѣ—150 рублей.

γ) Членамъ правленія отъ духовенства—200 рублей.

§ 2. На содержаніе воспитанниковъ: а) епархіальными средствами, по числу 30-ти вакансій полнокоштныхъ и 20-ти полукоштныхъ, и б) на содержаніе 5-ти полныхъ пансіонеровъ и 60-ти пансіонеровъ, итого 35-ти полнокоштныхъ и 80-ти полукоштныхъ, полагая на содержаніе каждого изъ первыхъ по 75 и вторыхъ по 40 руб. всего: 4675 рублей.

§ 3. На содержаніе училищныхъ зданій, какъ то: отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги, мытье столоваго бѣлья, ремонтъ зданій, принадлежности кухни и столовой, мытье половъ, столярныя, бондарныя и кузнечныя работы, покраска половъ, устройство классной мебели по моделямъ и инструкціи, препровожденнымъ изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ—2000 рублей.

§ 4. По содержанію библіотеки на выписку періодическихъ изданій, книгъ для чтенія наставниковъ и воспитанниковъ, учебныхъ руководствъ и пособій и переплетъ книгъ—200 рублей.

§ 5. По содержанію заболѣвающихъ воспитанниковъ на уплату за содержаніе и пользованіе ихъ въ ахтырской окружной земской лѣчебницѣ—200 рублей.

§ 6. По содержанію канцеляріи правленія: а) писцу 120 руб. и б) на канцелярскія потребности 35 руб. всего: 155 рублей.

§ 7. На производство классныхъ кандидатскихъ оцладовъ проіереямъ Попову и Андріевскому и пенсіи Литвиненкову и Бутовичу—550 р. 55 к. Итого: 13,884 р. 15 к.

На докладѣ правленія училища, представленномъ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Саввѣ, Епископу харьковскому и ахтырскому, отъ 23-го іюля 1877 года за № 382-мъ, при коемъ представлялась на утвержденіе Его Преосвященства настоящая смѣта, резолюція Его Преосвященства отъ 4-го августа того-же

года послѣдовала такая: «Учителю приготовительнаго класса жалованья въ годъ назначить 400 рублей; въ прочемъ утверждается постановленіе училищнаго съѣзда».

Списокъ полнокоштныхъ и полукоштныхъ воспитанниковъ харьковскаго духовнаго училища, а также стипендіатовъ и пользующихся уменьшенною платою за свое содержаніе въ училищѣ.

1. Полные пансіонеры 4-го класса: Ботляровъ Меѳодій, Оглоблинъ Василій, Подольскій Иванъ; 3-го класса: Колосовскій Иванъ, Новолецкій Иванъ, Поповъ Михаилъ, Эвецкій Александръ, Сукачевъ Евменій, Рогальскій Михаилъ; 2-го класса: Горбачевскій Ѳедоръ, Логвиновъ Михаилъ, Загурскій Иванъ, Горайнъ Николай, Тугариновъ Арсеній, Власовскій Меѳодій, Шишкинъ Николай; 1-го класса: Бондаревъ Илья, Чаговцовъ Андрей, Насѣдкинъ Ѳедоръ, Власовскій Василій, Эвецкій Яковъ, Тимофѣевъ Павель, Вертеловскій Павель, Петровскій Григорій; приготовительнаго класса: Григоровичъ Андрей, Мураховскій Стефанъ, Поповъ Константинъ; Горайнъ Иванъ, Ястремскій Иванъ, Булгаковъ Иванъ.

2. Полукоштные пансіонеры 3-го класса: Приходинъ Филиппъ, 2-го класса: Андроновъ Иванъ, Эварницкій Иванъ, Рогальскій Алексѣй, Сукачевъ Михаилъ, Щербининъ Михаилъ, Ѳеденко Тихонъ, 1-го класса: Григоровичъ Яковъ, Мухинъ Кодратъ, Щербининъ Яковъ; приготовительнаго класса: Сукачевъ Василій, Вертеловскій Семень, Краснокутскій Александръ, Рудневъ Юсифъ, Александровъ Григорій.

3. Стипендіаты г-жи Костевской: Грековъ Ипполитъ, Титовъ Михаилъ, Краснокутскій Григорій, Поповъ Владиміръ 2-й; г-на Рейпольскаго: Василенковъ Василій, купянскаго духовнаго училища Коробчанскій Тимофей.

4. Съ уменьшенною платою 3-го класса—Кутеповъ Иванъ, 2-го класса: Любарскій Яковъ, Щербининъ Петръ, Школьниковъ Василій, Доброницкій Арсеній, 1-го класса: Добрецкій Николай, Тимофѣевъ Петръ; приготовительнаго класса: Раевскій Иванъ и Рогальскій Василій.

Настоящій списокъ печатается къ свѣдѣнію тѣхъ родителей,

дѣти которыхъ были до 1878 года на полукоштномъ содержаніи и съ уменьшевною платою, но въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года по журналу правленія, утвержденному Его Преосвященствомъ, лешены прежняго пособія. Посему тѣ родители, дѣти которыхъ нечислятся въ этомъ спискѣ, должны внести за текущее полугодіе полную плату, въ опредѣленный для сего срокъ.

С Л О В О

въ день возшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, 19 февраля 1878 года.

Празднуемый нами нынѣ день вступленія на престолъ Великаго нашего Государя и освобожденія Имъ крестьянъ—всегда будетъ принадлежать къ числу торжественныхъ и великихъ историческихъ дней. Чтò совершилъ уже нашъ Великій Освободитель для блага своего народа въ продолженіи славнаго 23-лѣтняго царствованія,—это всѣмъ намъ извѣстно и близко; что совершаетъ Онъ теперь для блага и спасенія родственныхъ намъ славянскихъ народовъ, это такъ свято и дорого для насъ, что мы теперь объ этомъ говоримъ больше, чѣмъ о чемъ нибудь другомъ и—не можемъ не говорить!

Онъ призвалъ насъ на такой подвигъ, который по своему нравственному и историческому значенію будетъ великимъ народнымъ подвигомъ предъ Богомъ и человѣчествомъ, на подвигъ освобожденія цѣлыхъ народовъ христіанскихъ отъ дикаго и безчеловѣчнаго рабства, а святыхъ ихъ Вѣры—отъ попранія и поруганія. Какъ узники въ темницѣ, въ продолженіи болѣе четырехъ вѣковъ, томилась наши братья, давно уже и долго ожидая избавленія. Посылая противъ враговъ на берега Дуная и почти неприступныя высоты Балканъ нашихъ братьевъ и дѣтей, Онъ Самъ, оставляя и царственный городъ и царскіе чертоги, идетъ туда съ Своими братьями и дѣтьми, чтобы тамъ вмѣстѣ

съ лучшими дѣтьми народа раздѣлять всѣ невзгоды и лишенія, труды и подвиги. Тамъ Онъ благословляетъ героевъ на бранные подвиги и провожаетъ ихъ на бой съ слезами на глазахъ. Тамъ Онъ, колѣнопреклоненный, молится о падшихъ герояхъ, и Его драгоцѣнныя слёзы падаютъ на землю, обильно орошенную дорогою для Него кровью русскою, пролитою за святое дѣло. Тамъ Онъ проводитъ иногда дни и ночи въ бѣдной сельской хижинѣ, окруженный обстановкой бѣднаго селянина. Тамъ является Ангеломъ-утѣшителемъ среди израненныхъ воиновъ и своеручно даетъ отъ себя награды храбрѣйшимъ, и дары—отъ Августѣйшей Супруги, ободряетъ и утѣшаетъ; прислушивается къ ихъ стонамъ и вздохамъ, всматривается въ ихъ страдальческія лица и потомъ съ глубоко-сердечнымъ утѣшеніемъ встрѣчаетъ и узнаетъ ихъ въ Своей столицѣ. Тамъ, на бранномъ полѣ, среди Своихъ дѣтей—героевъ, подъ открытымъ небомъ, на горней высотѣ, при звукѣ священ. пѣсней, стоитъ Онъ колѣнопреклоненный на молитвѣ, съ тяжелою думою въ мысляхъ и съ крѣпкою въ сердцѣ вѣрою въ Свое высокое призваніе и въ святость своего дѣла! Это призваніе оправдывается и это великое дѣло совершается! Какая славная и свѣтлая страница для исторіи! Какой памятникъ для будущаго и какой великій урокъ для настоящаго!

Какъ же воспользовался народъ этимъ урокомъ? Благочестивѣйшая Государыня Императрица и Высокія Особы Царствующаго Дома въ дѣлѣ великой народной нужды стали во главѣ народа и не столько словомъ, сколько высокимъ примѣромъ воодушевили и призвали народъ къ невиданнымъ, небывалымъ у насъ подвигамъ милосердія и любви къ воинамъ-героямъ. Семья Царственная и семья народная въ одномъ святомъ дѣлѣ слились въ одно великое и живое цѣлое. Всѣ классы общества, люди различныхъ убѣжденій, разнообразныхъ общественныхъ положеній, съ крайне различными средствами для

жизни; — всё пошло къ одной цѣли; кто понесъ свою великую жертву, кто свою скудную лепту, и все на одинъ и тотъ-же алтарь, для одного великаго искунительнаго жертвоприношенія. Богатые города дѣлали свои богатые вклады; безвѣстныя и бѣдныя села, съ далекихъ концовъ необытной земли русской слали свои не богатые, но усердные жертвы на то-же святое дѣло. Бѣдная поселенка отдавала своего издѣли холстъ, и утѣшалась мыслию, что изъ него будетъ рубашка для раненаго и повязка на его раны. Женщины средняго и высшаго классовъ, часто изнѣженныя до болѣзненности, съ заботливостію сестры и любовію матери омываютъ своими руками нагноившіяся раны; омываютъ израненныя ноги иногда стоя на колѣняхъ у постели страдальца. Развѣ это не достойное подобіе евангельскаго омовенія ногъ? Страдальца томитъ боль его израненнаго тѣла; но не меньше томитъ разлука и душевная забота о тѣхъ, кто дрогъ его сердцу, и сестры милосердія утѣшаютъ и ободряютъ его духъ надеждою радостной встрѣчи съ его матерью и матерью дорогихъ ему дѣтей. Предсмертныя минуты страдальца онѣ улаживаютъ общемою съ нимъ молитвою и словомъ евангельскимъ. — Врачи какъ будто никогда не высказывали столько искусства, неусыпной заботливости, высокой преданности дѣлу и самаго теплаго, сердечнаго участія къ страданіямъ и къ облегченію страданій больныхъ и раненыхъ воиновъ, какъ въ это славное время великой борьбы и великихъ жертвъ. Многие изъ нихъ сами пали жертвою служенія святому дѣлу. — Усердіе народа устроило многочисленныя пріюты для успокоенія больныхъ и раненыхъ воиновъ. Мудрая и заботливая власть поставила ихъ въ самыя благопріятныя условія для выздоровленія и укрѣпленія силъ страдальца. Здѣсь много свѣта и тепла, и не меньше теплаго участія и теплою любви къ человѣку.

Такъ весь много-милліонный народъ обратился въ одну великую сердобольную семью, въ которой всё члены служатъ од-

тому святому дѣлу. Одни несутъ на жертву свою жизнь, выно- сать почти невыносимые труды и лишения въ борьбѣ со врагомъ и силами природы, переносятъ страшныя муки съ терпѣніемъ мучениковъ. Другіе жертвуютъ своимъ достояніемъ, покоемъ, здоровьемъ, чтобы облегчить эти страданія. Здѣсь разнообразны бѣдствія стали рядомъ съ самыми разнообразными проявленіями христіанской любви и милосердія. Здѣсь какъ будто слы- шатся отрадныя слова Спасителя: *взмахая и дасте Ми ясти; возжадаехя и напоисте Мене; страненъ быхъ и ве- досте Мене; нагъ и одѣясте Мене; болѣнъ быхъ и посто- яисте Мене; въ темницѣ быхъ и придосте ко Ми* (Мат. XXV, 34 и сл.).

Въ этому сердечному утѣшенію остается прибавить только одно искреннее желаніе, чтобы это отрадное и небывалое почти явленіе въ нашей народной жизни не было однимъ пламеннымъ, но кратковременнымъ и быстро проходящимъ порывомъ сердца, который быстро загорается и также быстро потухаетъ. Чтобы дѣло милосердія обратилось въ постоянную, живую потребность духовной жизни народа, какъ всегда постоянны и неразлучны съ жизнію нужды, бѣдствія и страданія, а особенно послѣ вой- ны, которая оставляетъ много безсильныхъ для труда рукъ, много беспомощнаго вдовства и сиротства.

Что принесли великія жертвы, вызванныя этою борьбой? Кровь пролита; и эта кровь должна послужить и послужить залогомъ избавленія и свободы. Эта кровь пролита за народъ добрый по свей природѣ и крѣпкій върою въ Искупителя.

Но, поклонники своихъ интересовъ, хотя и распространившіе св. книги на 150 языкахъ по всѣмъ почти странамъ міра, не- други этого добраго народа и наши недруги, — говорятъ намъ, что этотъ народъ не способенъ жить жизнію цивилизованныхъ наро- довъ, что онъ нравственно глубоко испорченъ, что болѣе, нежели 4-вѣковое рабство убило его духовныя силы, что онъ обре-

ченъ на смерть. Вотъ они уже взяли стражу, чтобы поставить ее у гроба, печать, чтобы наложить ее на гробовой камень, съ полною увѣренностію, что печать рабства не сокрушится, что ихъ воины не разбѣжятся въ страхъ и что умершій не можетъ встать изъ гроба.

Мы стоимъ у этого гроба, съ полною вѣрой въ свѣтлое и славное воскресеніе; въ лицѣ Царя-Освободителя мы видимъ Ангела, сокрушающаго печать, отваливающаго камень отъ дверей гроба, видимъ уstraшенныхъ и бѣгущихъ воиновъ и отъ сердца, полного вѣры въ Бога спасающаго, взываемъ: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящии Его?*

А нынѣ, съ чувствомъ благодаренія Господу, даровавшему намъ миръ, приносимъ Ему ангельскую пѣснь: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ.*

Протоіерей Тимоѳей Павловъ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи харьковской духовной семинаріи 12 декабря 1877 года, по случаю празднованія столѣтняго со дня рожденія юбилея Императора Александра I.

(Характеристика литературнаго движенія въ эпоху преобразованій Александра I).

Мнѣ суждено выступить предъ почтеннымъ собраніемъ съ словомъ о великомъ отечественномъ дѣятелѣ, имя котораго благословляетъ вся Россія. Достопамятный виновникъ настоящаго нашего праздника, Императоръ Александръ I, носитель этого славнаго имени, возбуждаетъ имъ чувство невольной благодарности и живой признательности въ сердцѣ каждаго русскаго, способнаго проникаться судьбами дорогого нашего отечества.....

Сколько чего-то тревожнаго и вмѣстѣ отраднаго, чего-то невыразимо обаятельнаго для русскаго слышится въ словахъ этого

имени! Какъ многозначительно оно, это величественное имя, для насъ: съ нимъ мысль наша уносится къ величайшему событію родной исторіи; оно говоритъ о могуществѣ и славѣ Россіи. И не одна Россія славить Александра I-го: имя его свѣтлыми чертами запечатлѣно въ исторіи почти всѣхъ народовъ Европы, которые обязаны ему въ своей судьбѣ возвращеніемъ дорогого достоянія—свободы. Вся Европа удивлялась и не можетъ надивиться величію дѣлъ Александра I-го, той силѣ духа, съ которою онъ, съ самоотверженіемъ слѣдуя своему высокому призванію, вдохнулъ новую жизнь въ Россію, вознесъ ее съ собою на возможную въ политическомъ мірѣ высоту,—былъ творцомъ ея вѣшняго величія.

Благоговѣнно преклоняясь предъ безсмертными заслугами Императора, такъ возвысившаго Россію во вѣшнемъ положеніи предъ лицомъ всего современнаго образованнаго міра, мы не можемъ не устремиться вмѣстѣ мыслию къ великимъ подвигамъ его по управленію внутреннею жизнью, могучимъ двигателемъ которой являлся онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ своего царствованія. Едва-ли кто упрекнетъ насъ въ нескромномъ преувеличеніи, если мы смѣло провозгласимъ, что блескъ вѣшней политики Александра I-го чуть-ли не уступастъ силѣ дѣлъ его, направленныхъ къ устройству внутренней жизни русскаго народа. Во всѣхъ своихъ прогрессивныхъ мѣрахъ внутренняго благоустройства, въ этихъ безчисленныхъ, всестороннихъ преобразованіяхъ, составляющихъ эпоху, которую по духу можно сравнить развѣ только съ переживаемою нами; въ этихъ даже смѣлыхъ замыслахъ и начинаніяхъ, которыя также составляютъ славу царствованія Александра I-го, — во всемъ этомъ онъ является животворнымъ источникомъ, живую инициативую. Все, что произведено его просвѣщенною преобразовательною дѣятельностью, представляетъ тѣ свѣтлыя страницы нашей исторіи, въ которыхъ ярко рисуется намъ заря новой жизни для русскаго народа. Прочтешь хоть одну изъ этихъ лучезарныхъ страницъ, соберешь въ своихъ мысляхъ хоть долю того, что принадлежитъ въ нихъ великой личности перваго Императора нашего вѣка, оживить ее, эту высокую, увлекательную личность—было бы лучшимъ почтеніемъ и вмѣстѣ украшеніемъ дна, посвященнаго памяти ея,—истиннымъ благословеніемъ имени Александра I-го.

Въ развитіи внутренней жизни русскаго народа мы усматриваемъ то замѣчательное историческое явленіе, что главнымъ, могущественнымъ факторомъ ея успѣховъ представляется правительственная власть. Всѣ самыя важныя усовершенствованія въ строеніи жизни русской, что есть прогрессивнаго во всѣхъ областяхъ ея, всѣ лучшія начинанія принадлежатъ, со времени Петра, просвѣщенной инициативѣ правительства. Скипетръ Императора служилъ живою дѣятельною пружиною, которою производилось въ народѣ движеніе впередъ. Это оттого, что потребности въ усовершенствованіяхъ, по извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ, развивались въ русскомъ народѣ чрезвычайно медленно и сознавались имъ самимъ какъ-то смутно; поэтому, правительство, всегда опережавшее народъ въ пониманіи необходимости усовершенствованій, являлось истинно благодѣтельною силою. Нельзя, правда, не замѣтить при этомъ, что ко времени царствованія Александра I-го, вслѣдствіе предшествовавшаго развитія и болѣе тѣснаго сближенія съ Западною Европою, въ обществѣ стало обнаруживаться какое-то пробужденіе. Знакомство съ политическими и общественными интересами Запада произвело въ немъ броженіе идей, подъ вліяніемъ которыхъ оно болѣе сознательно стало относиться къ вопросамъ объ его устройствѣ, о средствахъ къ его усовершенствованію и т. п. Не смотря на это, перводвигателемъ жизни въ новомъ направленіи, по причинѣ политической незрѣлости общества, должно было, однакожъ, явиться правительство. Во главѣ его открыто выступаетъ Императоръ Александръ I, представляясь какъ бы начинателемъ того новаго движенія, которое обняло образованное общество и которое нашло себѣ характерный отголосокъ въ современномъ литературномъ движеніи.

Щедро одаренный природою, Александръ I обладалъ весьма видными средствами для такой роли. Благодаря просвѣщеннымъ заботамъ своей бабки, онъ получилъ очень тщательное, хотя незаконченное воспитаніе. Тѣ счастливыя задатки, которыми богата была его натура, получили сильное первоначальное развитіе при воспитаніи подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣщеннаго швейцарца, Лагарпа: въ его доброй, впечатлительной душѣ были возбуждены съ раннихъ лѣтъ быстрый и проницательный умъ, благородныя чувства и великодушныя стремленія. Лагарпъ оказалъ

большое вліяніе на складъ понятій и направленіе воспріимчиваго царевича. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ строгимъ республиканцемъ, съ свободнымъ образомъ мыслей. Уроки его какъ нельзя больше отвѣчали тѣмъ благороднымъ юношескимъ стремленіямъ, которыми Александръ былъ проникнутъ, и давали лицу его возвышеннымъ мечтаніямъ о свободѣ и счастіи людей, возбуждали представленія о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности рабства и пр. Были при этомъ и противодѣйствующія вліянія, съ консервативнымъ характеромъ, — вліянія, которыя должны были внести раздвоеніе въ направленіе Александра Перваго, дѣйствительно, обнаружившееся во второй половинѣ его царствованія. Но они подавлены были наставленіями либеральнаго воспитателя, увлекавшаго новыми, возвышенными нравственно-политическими понятіями, которыми долженъ былъ руководствоваться Александръ, какъ правитель.

Направленіе въ образованіи Александра возбуждало въ обществѣ самыя свѣтлыя надежды. Вступленіе его на престоль, какъ извѣстно, встрѣчено было восторженнымъ сочувствіемъ всѣхъ образованныхъ русскихъ людей. По словамъ современника, оно, послѣ тяжелаго времени Павла, заставляло всѣхъ ощущать, что «точно какимъ-то волшебствомъ съ рукъ свалились цѣпи», что «нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію». И дѣйствительно, подъ первою силой своихъ идеальныхъ воззрѣній, юный Государь хотѣлъ блистательно оправдать ожиданія общества. Съ самаго начала, соотвѣтственно извѣстному обѣщанію въ манифестѣ, онъ заявилъ себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Принципъ, въ силу котораго онъ хотѣлъ и старался дѣйствовать, былъ принципъ законности. Правительственная дѣятельность молодого Государя открылась цѣлымъ рядомъ указовъ, манифестовъ, въ которыхъ выразилась мягкая терпимость, гуманность и справедливость. Около него сформировался кружокъ приближенныхъ, родственныхъ ему по преобразовательнымъ стремленіямъ. Молодые и пылкіе умы, окрыленные духомъ времени, пылали вмѣстѣ съ Императоромъ желаніемъ создать будущее Россіи по ихъ идеалу, примѣнить къ ней новыя формы жизни, только-что выработавшіяся въ Европѣ. Образовался импровизированный такъ называемый *comité du salut public*,

задавшійся цѣлю перестроить государственную и общественную жизнь Россіи. Въ этомъ комитетѣ, или лучше, въ этой мастерской, въ которой созидались самые грандіозные, самые смѣлые планы преобразованій, принималъ дѣятельное, даже преимущественное предъ другими участіе молодой Императоръ. Тутъ разсуждали объ обзорѣнн и реформѣ разныхъ частей управленія, о составленіи новаго «уложенія», о государственномъ устройствѣ, законопредѣляющемъ кругъ дѣйствій верховной власти, о переустройствѣ сената, о народномъ образованіи, о роковомъ крестьянскомъ вопросѣ и проч. Многие изъ того, о чемъ такъ горячо спорили здѣсь, осуществлено было; многое ожидало еще, для опредѣленія и точнаго выраженія, новыхъ силъ. Явился Сперанскій, съ сильнымъ, быстрымъ, организующимъ умомъ, съ многосторонними знаніями, съ неутомимою дѣятельностію, плодомъ которой былъ колоссальный «планъ новаго образованія государственнаго», по которому Россія, какъ говорилъ Сперанскій, «воспріиметъ новое бытіе». Но къ осуществленію этого грандіознаго плана было слишкомъ мало въ дѣйствительности подготовки: въ немъ было весьма много опережающаго время, почему одинъ писатель могъ словами Гейне остроумно сказать о Сперанскомъ, что онъ «хотѣлъ внести будущее въ настоящее», или словами Фридриха II, сказанными объ Іосифѣ II, императорѣ австрійскомъ, что онъ «дѣлалъ второй шагъ, не окончивъ перваго». Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе того, что Александръ I заботами о внѣшней политикѣ былъ отвлеченъ отъ реформъ внутренней жизни, преобразовательныя работы Сперанскаго, какъ извѣстно, не могли найти себѣ полного осуществленія.

Вступленіе на престолъ Александра I ознаменовано было самою оживленною преобразовательною дѣятельностію, которой отдалъ онъ всю душу вмѣстѣ съ своими просвѣщенными сообщниками... Девизомъ ея, вмѣстѣ съ принципомъ законности, служило признаніе, что «либеральныя начала одни могутъ служить основою счастья народа». Этотъ взглядъ служилъ исходною точкою всѣхъ замысловъ, которыми тревожились молодые и пылкіе правительственные умы. По самому складу своему, всѣ эти замыслы не могли не вызывать желанія свободнаго отношенія къ нимъ общества,—изъ кабинета они должны были перейти въ общество

и получить то или другое выраженіе въ литературѣ, которой нужно было позаботиться о томъ, чтобы общество сознательно приняло новыя формы жизни. Оставаясь послѣдовательнымъ въ своихъ начинаніяхъ, правительство молодого Государя истощало все мѣры къ тому, чтобы «возвысить, по выраженію Строганова, духъ общественнаго мнѣнія». Ему хотѣлось возбудить эту силу, призвать ее къ себѣ на помощь съ ея могучимъ органомъ—литературою. И ему можно было отчасти разсчитывать на успѣхъ въ этомъ, послѣ того какъ общественное мнѣніе уже успѣло зародиться и найти живой отголосокъ въ періодическихъ изданіяхъ съ половины прошедшаго столѣтія,—послѣ того, какъ возбужденъ уже былъ, силою таланта Карамзина, интересъ къ литературному выраженію взглядовъ на событія и явленія времени. Почва для выраженія общественнаго мнѣнія была также уже готова—нужно было только дать насущное условіе для развитія его—свободу, которой лишено оно было въ предшествовавшее царствованіе. И вотъ, вскорѣ по вступленіи Александра I-го на престолъ, слышится призывный голосъ къ свободѣ общественнаго мнѣнія, къ свободѣ литературнаго слова—въ цензурномъ уставѣ 1804 года, провозгласившемъ свободу книгопечатанія. Нужно ли говорить, съ какимъ восторженнымъ сочувствіемъ приняты были литературою тѣ прогрессивныя по своему времени либеральныя установленія цензуры, которыми русское правительство возвысилось надъ ретроградными требованіями многихъ западно-европейскихъ государствъ. Восторженный привѣтъ дозволенію пользоваться «правомъ мыслить и писать» высказанъ былъ вскорѣ послѣ изданія устава 1804 г., въ эпиграфѣ сочиненія Пнина «Опытъ о просвѣщеніи», одного изъ замѣчательныхъ произведеній своего времени. «Блаженны тѣ государи и тѣ страны, писалъ просвѣщенный публицистъ, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное». Самыя воодушевленныя искреннія похвалы правительству за новый цензурный уставъ можно было читать почти во всѣхъ журналахъ. Вотъ съ какимъ восторгомъ отзывались на это въ 1804 году «Новости русской литературы». «Мы не имѣемъ нужды читать похвалу нашему Монарху во всѣхъ иностранныхъ журналахъ,—чтобы чувствовать цѣну его благотворительности и своего счастья.

Александръ даетъ умамъ свободу, необходимо нужную для просвѣщенія и моральнаго достоинства человѣка. Скоро откроется величіе русскихъ къ радости патріотовъ, скоро поле учености не будетъ горестною пустынею, мертвымъ уединеніемъ, но оживится соревнованіемъ блестящихъ талантовъ. Слава и хвала распространителю просвѣщенія!... Падемъ на колѣна, съ сердечнымъ умиленіемъ возблагодаримъ Управляющаго судьбой Царей и народовъ». Подобные возгласы раздавались во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, современныхъ изданію цензурнаго устава.

Въ установленіяхъ о печати, однако было такъ много новаго, неожиданнаго, что не всѣ могли освоиться съ силою и духомъ ихъ требованій. Завѣдывавшіе дѣлами печати не могли сразу отрѣшиться отъ прежнихъ традицій и на первыхъ же порахъ вызвали передовыхъ поборниковъ свободы печати на раскрытіе основныхъ началъ ея. Какъ узко понять былъ уставъ о свободѣ печати цензурными властями и что только нѣкоторые возвышались въ своихъ взглядахъ на этотъ предметъ, это можно видѣть изъ дѣла по второму изданію книги «Опытъ о просвѣщеніи», Пнина. Цензура соблазнилась нѣкоторыми мѣстами, въ которыхъ авторъ говоритъ о страдательномъ состояніи земледѣльческаго сословія. Официальный рецензентъ, въ этихъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ порицаются многія явленія русской жизни, находя поводъ къ запрещенію, говоритъ, что «авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши..... Хотя бы это и *справедливо было*, замѣчаетъ цензоръ, далѣе, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, *однако зло сіе есть зло, въкаки укоренившееся* и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія..... Если-бы сочинитель нашель или думаль найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе..... истребленія рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей,—это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россією черную, губительную тучу». Этотъ отзывъ, съ указаніемъ на границы, устанавливаемыя цензурою для литературнаго слова, заставилъ пострадав-

шаго отъ него автора выступить на защиту правъ свободнаго мыслителя, въ которой онъ выставляетъ на видъ идеаль свободнаго писателя, указываетъ на права его касаться всѣхъ «государственныхъ предметовъ», говорить, что «сочинитель обязанъ истинѣ, имъ предусматриваемая, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ, уподобляясь живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ краски употребляемыя соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ». Горячему защитнику свободы печати необходимо, однако, было прикрыться авторитетомъ либеральной власти, — указать, что жаръ и энтузіазмъ «возбудили въ немъ великія Екатерины», что рукописное дополненіе (ко второму изданію), сдѣланное имъ, «по волѣ Монарха», заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное къ настоящему положенію вещей. — На ряду съ требованіями широкой свободы для литературнаго слова, выразителемъ которыхъ является одинъ изъ передовыхъ дѣятелей литературы, выступаютъ самыя скромныя, умѣренныя взгляды на свободу печати, державшіеся въ большинствѣ образованнаго общества, непривыкшаго видѣть въ литературномъ мнѣніи самостоятельную, независимую силу. Компетентнымъ представителемъ ограниченныхъ запросовъ прессы явился редакторъ Вѣстника Европы, самаго распространеннаго, пользовавшагося особеннымъ сочувствіемъ публики журнала — Каченовскій. Въ статьѣ «О книжной цензурѣ въ Россіи» (1805 г., № 3), раскрывая значеніе цензуры, онъ говоритъ, что «цензура, налагая узду на дерзость и буйство, искореняетъ зло при самомъ ея началѣ», что для благонамѣреннаго писателя «не стѣсняется свобода мыслить и писать». Распространяясь далѣе о вліяніи чтенія книгъ на образованіе, авторъ указываетъ гибельныя слѣдствія вольномыслія въ книгахъ, которыя заставляютъ правительство обращаться въ крайнимъ стѣсненіямъ печати, какъ это, напр. во Франціи, Испаніи и Австріи; выражаетъ, что «здравомыслящій гражданинъ не можетъ увлекаться произведеніями ума буйнаго и строптиваго, прикрашеннаго ложнымъ блескомъ мнимаго краснорѣчія, мгновенно исчезающаго при свѣтильникѣ здоровой логики».

Эти рѣзкія нападенія на свободу печати очень ясно говорятъ, какъ далеко зашелъ въ своей умѣренности такой видный прогрессивный органъ — заправитель общественнаго мнѣнія какъ «Вѣст-

никъ Европы», представляя свободу мысли, вызываемую самимъ правительствомъ—какимъ-то преступнымъ вольнодумствомъ. Просвѣщенное же правительство употребляло напряженные усилія къ тому, чтобы вызвать эту желанную свободу мысли, столь необходимую для успѣха преобразовательныхъ начинаній; какъ бы насильственно возбуждало общественное мнѣніе, предлагая на судъ его болѣе или менѣе важныя, близко относящіяся къ интересамъ народа распоряженія, предавая ихъ гласности. Гласность, которую ему хотѣлось внести въ правительственную дѣятельность, это замѣчательное явленіе времени начала царствованія Александра I-го, именно направлена была къ тому, чтобы вызвать свободное отношеніе къ мѣрамъ и дѣйствіямъ правительства. Правда, (что проектъ «Правительственнаго журнала», поданный Баккаревичемъ Новосильцеву, съ самою обширною программю—обнародованія правительственныхъ дѣйствій, даже предварительныхъ, осуществился только отчасти въ «Сѣверной почтѣ» съ 1809 года; но онъ нашелъ сильный и живой отголосокъ въ другомъ правительственномъ органѣ «Санктпетербургскомъ журналѣ», официальном изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ статьѣ «О пользѣ обнародованія отчетовъ». Еще тогда прессою признана была живая связь обнародованія правительственныхъ дѣйствій съ свободою литературной мысли. Въ одномъ изъ журнальныхъ органовъ, особенно пронизанныхъ симпатіями къ этой свободѣ—«Сѣверномъ Вѣстникѣ», напечатана была (1804 г., въ № 8) въ переводѣ рѣчь Густава III-го, въ которой, между прочимъ, говорится, что «свобода книгопечатанія употреблена была (правительствомъ) для показанія обществу истиннаго его блага и для открытія государю мнѣнія народа». Рѣчь эту, въ замѣткѣ «Мнѣніе короля шведскаго Густава III-го», переводчикъ называетъ «достопримѣчательною» и въ выноскѣ замѣчаетъ, что у насъ положено тому начало указомъ 8-го сентября, 1802 года, повелѣвшимъ, чтобы въ вѣдомостяхъ кратко объявлялись рѣшенныя въ сенатѣ дѣла; при этомъ, далѣе, авторъ замѣтно высказываетъ желаніе, чтобы печатались всѣ судебные приговоры.

Во всѣхъ этихъ въ высшей степени возбужденныхъ взглядахъ, которыми встрѣчены были со стороны періодической печати вызовы правительства къ свободному слову, нельзя не видѣть осо-

беннаго литературнаго оживленія, которому соотвѣствовало общему настроенію высшей власти. Это-то настроеніе, возбуждавшее общественное сознаніе и способствовавшее выраженію его въ свободномъ словѣ, какъ нельзя болѣе благоприятствовало успѣхамъ литературы. Мысли данъ былъ вольный и высокій полетъ, которымъ она любовалась какъ дорогимъ подаркомъ, что, напр., довольно живо выражено въ баснѣ Измайлова «Истина во дворцѣ»:

Счастлива та страна, въ которой кроткій царь

Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!

Счастливы мы стократъ: нашъ ангель государь

Не только истину въ чертогъ себѣ впускаетъ,

Но даже ищетъ самъ ее.

Для литературной дѣятельности открылось широкое поприще: литературѣ назначалась роль истолковательницы и судьи тѣхъ нововведеній, которыя предпринимаемы были энергичнымъ кабинетомъ прогрессивнаго правительства; она призвана была проводить въ общество тѣ идеи, которыя вырабатывала правительственная мысль; отъ нея прогрессивное правительство ожидало возбужденія въ обществѣ высокихъ стремленій; усиліями ея всеобнимающей мысли предстояло проникнуть въ современную жизнь, раскрыть и выяснить тѣ многосложныя и вмѣстѣ съ тѣмъ неотложныя потребности, которыя диктовала ей дѣйствительная жизнь; она должна была улавливать вопросы, носившіеся въ правительственныхъ сферахъ, и давать на нихъ здравые и скорые отвѣты,— словомъ, на нее легла высокая обязанность—быть безпристрастною, смѣлою и рѣшительною посредницею между народомъ и правительствомъ. Вотъ каковы задачи литературы, современной преобразовательной дѣятельности Александра I-го. Онѣ требовали живой и спѣшной работы, соотвѣтствовавшей торопливости самого правительства. Тутъ нужно было отвѣчать прямо, внятно, отчетливо. Литература должна была выдвигать мыслителей, способствовать разсудочными средствами выясненію потребностей общества и, слѣдовательно, сосредоточить свои лучшія силы на публицистикѣ, предоставивъ художественную дѣятельность послѣдующему времени.

Но насколько богата была въ то время литература этими силами и средствами, чтобы выступить на тотъ путь, по которому

она должна была двигаться въ данномъ направленіи къ цѣли? Ближайшія явленія въ исторіи ея предшествовавшаго развитія даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Послѣ несмѣлыхъ, скромныхъ и шаткихъ попытокъ, отрывочныхъ опытовъ создать постоянный органъ общественной мысли, таланту перваго нашего въ собственномъ смыслѣ литератора, Н. М. Карамзина, удалось организовать стройную форму журнала, съ разнообразною по содержанию программю. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ отнеслось общество къ первому нашему такому періодическому изданію, «Московскому журналу», издававшемуся въ 90-хъ годахъ; какъ высоко подняты были въ немъ литературные интересы; какое оживленіе внесло оно въ общество и какъ окрылило его литературными стремленіями. Но это послужило только залогомъ сильнаго движенія журналистики, — того движенія, которое открылось съ появленіемъ новаго, болѣе выработаннаго по программѣ и по характеру выполненія ея — журнала, «Вѣстника Европы». Этотъ новый литературный феноменъ совершенно овладѣлъ вниманіемъ и симпатіями общества и вызвалъ появленіе цѣлой вереницы журналовъ съ различными названіями, съ различными направленіями. Въ этомъ рядѣ журналовъ, составляющихъ свою совокупностью одну цѣлую семью, много частнаго содержанія, обзорѣніе котораго въ подробностяхъ было бы, мм. гг., теперь неблагоприятнымъ. Мы ограничимся только указаніемъ на общіе вопросы, въ рѣшеніи которыхъ выразилось литературное движеніе, какъ отголосокъ дѣятельности правительства.

Между очередными вопросами, юридическою разработкою которыхъ съ напряженіемъ занято было правительство, однимъ изъ выдающихся, по литературному обсужденію, является вопросъ о народномъ просвѣщеніи. Предпринимая рядъ преобразованій, долженствовавшихъ дать государственной жизни новую организацію, на новыхъ свободныхъ началахъ, правительство Александра I должно было позаботиться о возвышеніи народнаго образованія, какъ силы, которая могла дать жизнь этой организаціи и отъ дѣйствія которой зависѣлъ успѣхъ процвѣтанія послѣдней. Оно далеко, конечно, было отъ тѣхъ мечтательныхъ плановъ о перевоспитаніи народа, о воспитаніи «новой породы людей», которыми задавались въ царствованіе Еватерины II, — Александръ I стре-

мился ввести болѣе выработанную, обоснованную на прочныхъ началахъ систему образованія. Но мысль объ общественномъ воспитаніи и правительственной опеѣ надъ нимъ не оставляла еще совершенно его. Она осязательно высказалась въ колебаніяхъ, съ которыми усвоено было вновь учрежденному министерству народнаго просвѣщенія настоящее его названіе, взамѣнъ предполагаемаго — «министерства народнаго воспитанія». На эту преобразовательную дѣятельность правительства, по вопросу о народномъ образованіи, литература отзывалась очень выразительными взглядами, между которыми одни представляются соответствующими высотѣ взглядовъ самого правительства, другіе носятъ на себѣ печать отсталости. Такъ, «Вѣстникъ Европы» съ необыкновенною энергіею настаиваетъ на необходимости заботы о воспитаніи юношества. Онъ восторгается новымъ уставомъ народнаго образованія и проводитъ ту мысль, что особенно полезно учрежденіе сельскихъ школъ, полезнѣе всѣхъ лицеевъ, что оно послужитъ истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Обольщенный этою мыслью, глашатай не замѣчалъ того, какъ плохо мирились эти заботы съ строемъ жизни порабощеннаго сельскаго населенія. Притомъ, въ симпатіяхъ его сказывалось много ретрограднаго. Не смотря на увлеченіе дѣломъ народнаго образованія, какъ дѣломъ самымъ возвышеннымъ, сотрудникъ «Вѣстника Европы», въ своихъ совѣтахъ относительно завѣдыванія имъ, обнаруживаетъ слишкомъ предубѣжденный взглядъ. Съ простодушнымъ высокомѣріемъ магната, онъ рекомендуетъ замѣнить иностранныхъ учителей «мѣщанскими дѣтьми», полагая, разумѣется, что профессія учителя несомнѣтна съ преимуществами высшаго сословія. Въ этомъ взглядѣ нельзя не видѣть, что Вѣстникъ Европы отдавалъ дань времени. Другіе органы, явившіеся почти вслѣдъ за нимъ, отличаются болшею широтою и прогрессивною взглядовъ. Особенно выдается по нимъ «Періодическое изданіе Общества любителей словесности», въ которомъ громко провозглашается мысль объ общественномъ воспитаніи, какъ гарантіи всего общественно - государственнаго благоустройства. Съ настойчивостью требуетъ этотъ органъ, чтобы для всѣхъ сословій открытъ былъ доступъ ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Подобными же воззрѣніями относительно образованія отличался жур-

налъ «Патріотъ». Только возрѣнія у него болѣе отвлеченнаго характера. Выходя изъ началъ «раціональной философіи», Измаиловъ, издатель «Патріота», ревностно защищаетъ методу воспитанія «для состоянія человѣка», а потомъ «для состоянія гражданина». Отъ воспитанія онъ требуетъ, чтобы оно дало почувствовать истинное равенство между людьми — въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, при чемъ приписываетъ особенное значеніе первоначальному воспитанію и вліянію матери. Онъ до-того возбуждается мыслию объ этомъ вліяніи, что обращается ко всѣмъ женщинамъ съ патетическимъ воззваніемъ: «женщины, спасите, обратите насъ къ добродѣтели!». Также неумовимо отвлеченно и вмѣстѣ крайне узко понято было воспитаніе однимъ изъ самыхъ видныхъ литературныхъ дѣятелей, Пнинъ, въ его «Опытѣ о просвѣщеніи». Пнинъ совершенно своеобразно старается опредѣлить мѣру распространенія просвѣщенія между различными слоями русскаго общества. Въ его искусственно-начертанномъ планѣ всеобщаго образованія выступаетъ чисто практическая сторона. Кругъ образовательныхъ предметовъ, которые могутъ быть предназначены для земледѣльцевъ, онъ ограничиваетъ обученіемъ чтенію и письму, первымъ дѣйствіямъ ариметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей и т. п. Высшему сравнительно сословію — мѣщанамъ предоставляетъ заниматься изученіемъ грамматики, географіи, введенія въ общую исторію, геометріи и тригонометріи, естественной исторіи, технологіи и физики; для купцовъ, кромѣ этихъ наукъ, назначаетъ еще англійскій языкъ, алгебру, двойную бухгалтерію, исторію коммерціи, товаровѣдѣніе; всѣ остальные сокровища знанія предназначаютъ высшимъ сословіямъ. Нельзя не видѣть крайней ограниченности въ пониманіи Пнинъ насущныхъ потребностей народнаго образованія. Между-тѣмъ оно высказано было заправителемъ и выразителемъ общественнаго мнѣнія и нашло сильный отголосокъ въ періодической печати. «Сѣверный Вѣстникъ», поставившій, между прочимъ, своею задачею способствовать усовершенствованію воспитанія, развивалъ тѣ-же запоздалыя возрѣнія. Онъ съ похвалою относится къ книгѣ Гельмана, въ которой говорится, что «не всѣ состоянія должны получать одинаковое просвѣщеніе: науки свободныя, говоритъ Гельманъ,

художества и всё наставленіа, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ не приличны для черни. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ диалектиковъ, замысловатыхъ головъ. Но крайне несправедливо было бы отказать народу въ пособіяхъ начальнаго образованія». Макаровъ, издатель «Сѣвернаго Вѣстника», пользовавшійся репутаціею передоваго литературнаго дѣятеля, раздѣляя эти мысли и усвоивъ своему журналу, находилъ возможнымъ, разумѣется, привить ихъ своимъ читателямъ. И замѣчательно то, что при всей несостоятельности этотъ взглядъ многимъ казался чуть-ли не вольнодумствомъ. Вотъ какъ невыработанны, шатки и поверхностны были взгляды общества на народное образованіе, не смотря на прямую и ясную постановку вопроса о немъ со стороны правительства.

Едва-ли не самымъ выдающимся и вмѣстѣ мучительнымъ, жгучимъ вопросомъ разсматриваемаго времени былъ вопросъ о крестьянахъ. Объ этотъ вопросъ разбивались смѣлые правительственные умы; онъ грозою носился надъ головами тѣхъ, интересы коихъ связаны были съ нимъ, — и, какъ вопросъ живой, тревожный, особенно часто подпадалъ подъ перо литераторовъ. Трудно представить всё ходячія въ то время мнѣнія, выраженные въ литературѣ относительно этого назойливаго тогда вопроса, обозначить во всей ихъ разнохарактерности и странности. Между ними выдаются такія, въ которыхъ передовые люди далеко оставляли за собою все общество, являясь энергичными и послѣдовательными поборниками крестьянской свободы. Такъ, напр., высказался знакомый намъ авторъ «Опыта о просвѣщеніи». Онъ выставляетъ на видъ то, что «земледѣльческое сословіе страдаетъ отъ рабовладѣльцевъ», что важнѣйшая забота законодательства состоитъ въ опредѣленіи правъ собственности земледѣльческаго класса. Подобнымъ-же характеромъ отличается взглядъ на состояніе крестьянъ въ «Періодическомъ изданіи Общества любителей словесности». Только нерасположеніе къ рабству высказывается здѣсь косвенно. Одна изъ статей, подъ заглавіемъ «Негръ», наполнена возгласами противъ извѣстной торговли людьми; она патетически заявляетъ, что «цѣна золота не въ силахъ заплатить за волю человѣка». Въ противовѣсъ такимъ

радикальнымъ взглядамъ выражались сентенціи умѣреннаго, серединаго, сантиментально - оптимистическаго характера, съ примѣсю значительной доли ретроградности. Въ самыхъ лучшихъ журналахъ того времени—«Вѣстникъ Европы» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ» высказывались примирительные взгляды съ требованіемъ только нѣкоторыхъ поправокъ въ земледѣльческомъ состояніи. Карамзинъ, напр., въ «Вѣстникѣ Европы» благодушно трактуетъ, что крестьяне благоденствуютъ, торгуютъ, что «просвѣщеніе не требуетъ злоупотребленіе господской власти, которая не есть тиранія неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю своимъ крестьянамъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности!». Мнѣніе Карамзина, выраженное публично, не было крайнимъ, отсталымъ по тому времени и не стало въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи. Оно близко по духу высказано въ другомъ передовомъ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ». Въ статьѣ, извлеченной изъ книги Вильсона: «Краткія свѣдѣнія о русской арміи», этотъ органъ защищаетъ русское правительство отъ обвиненій въ деспотизмѣ, удостовѣряя, что оно далеко отъ того, чтобы налагать новыя цѣпи рабства», но что, напротивъ того, «оно всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу». По нему, рабство даже можно бы уничтожить, только съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожности. «Съ чувствами и съ правилами, совсѣмъ противными продавцу невольниковъ, я, говоритъ публицистъ «Сѣвернаго Вѣстника», утверждаю, что самое большее несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права..... Что бы сдѣлалось съ хворыми и престарѣлыми, если бы они вдругъ лишились прокормленія (которое нынѣ обязаны давать помѣщики. Примѣч. переводчика), что бы сдѣлалось съ дворовымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для промысла». Подобныя возраженія противъ окончательнаго и быстрого рѣшенія крѣпостнаго вопроса проводились въ то время людьми не только враждебными всѣмъ либеральнымъ реформамъ, но даже ближайшими совѣтниками Государя. Вотъ какъ еще бессильно было общественное мнѣніе для того, чтобы двинуть крестьянскій вопросъ

въ литературѣ къ болѣе положительному рѣшенію. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что этому вопросу, какъ и другимъ вопросамъ по устройству внутренняго быта, печать отдавала немало вниманія. — Послѣ представленныхъ сужденій о крестьянскомъ сословіи, выступаетъ на видъ вопросъ о дворянствѣ. Въ рѣшеніи его видно увлеченіе англійскимъ строемъ сословной жизни. Замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи проектъ преобразованія, присланный въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» частнымъ лицомъ. Въ немъ переносятся на русскую почву англійскія общественныя учрежденія. Восхваляя Великобританію, авторъ говоритъ: «Великобританія есть монархія, но не видимъ въ ней неудобствъ власти цезарей; Великобританія есть аристократія, но не видимъ въ ней угнетательной гордости патриціевъ. Великобританія — демократія, но не потрясена она буйствомъ наимноголюднѣйшаго отдѣленія народа». Чтобы возвысить Россію на степень Великобританіи, правительству, по автору проекта, нужно принимать не робкія какія-либо мѣры, но усилить значеніе дворянства, положивъ преграду умноженію его, и увеличить среднее сословіе. Этотъ проектъ требуетъ, далѣе, равныхъ для всѣхъ сословій законовъ. Попытка перенести типическую форму англійскаго быта была предметомъ тогдашнихъ воздыханій. Но эта англоманская попытка обособить дворянство въ средѣ другихъ сословій не представляла особенно виднаго направленія въ литературѣ.

Преобразовательная дѣятельность правительства первой половины царствованія Александра Павловича давала обильную пищу для литературнаго слова. Всѣ болѣе или менѣе важныя учрежденія, даже проекты, подвергались иногда самому разностороннему обсужденію. Трудно даже перечислить всѣ тѣ разнообразныя предметы, на которыхъ останавливалась литературная мысль. Издаётся, напр., манифестъ объ учрежденіи министерствъ — и голосъ привѣтствія встрѣчаетъ съ радостными надеждами эту новую форму управленія. «Кто не увѣренъ, провозглашаетъ «Вѣстникъ Европы» по этому поводу, въ потребности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именованіемъ министровъ Россіи. . . . Славный путь дѣятельности открывается для всякаго изъ нихъ. . . . Способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри имперіи, благоустройству во

всѣхъ частяхъ ея: «какія обязанности!»... По взгляду «Вѣстника Европы», мудрые и ревностные министры раздѣляютъ безсмертію съ великими государями, что не только государь, но и россияне могутъ оцѣнить ихъ дѣятельность». По поводу указа о правахъ и обязанностяхъ сената въ «Вѣстникѣ Европы» говорится, что россияне благоговѣютъ въ душѣ своей предъ этимъ верховнымъ мѣстомъ въ имперіи, которое не можетъ завидовать никакому правительству въ мірѣ. Сочувственно также отнеслась печать къ уничтоженію тайной экспедиціи. Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы» говоритъ, что это учрежденіе «возбуждаетъ горестное воспоминаніе; но вы произносите имя Александра, — и ваше сердце отдыхаетъ!». Завѣтною мыслью предпримчиваго правительства было изданіе уложенія, введеніе систематическаго законодательства. Эта мысль также нашла себѣ отголосокъ въ литературѣ. Въ числѣ желаній, которыя заявлялъ «Вѣстникъ Европы», высказывается желаніе имѣть методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ; для него представляется это дѣломъ, которое должно украсить вѣкъ Александра I. — Словомъ, каждый шагъ въ правительственной сферѣ возбуждалъ движеніе въ области литературы. Въ немъ мы много находимъ жизненнаго интереса, потому что оно служитъ главнымъ выраженіемъ общественнаго сознанія.

Но это общественное сознаніе, при болѣе внимательномъ взглядѣ на него, представляется раздвояющимся. Мы видѣли, какіе противорѣчивые взгляды выражались въ публицистикѣ относительно самыхъ вышуклыхъ вопросовъ времени. Эго, какъ извѣстно, самое обыкновенное явленіе, которымъ сопровождается каждая эпоха преобразованій. Отрицательное направленіе въ обсужденіи измѣненій въ строѣ жизни должно было явиться и въ разсматриваемую эпоху. Только въ сдержанныхъ мнѣніяхъ, выраженныхъ по различнымъ вопросамъ въ публицистикѣ, мы не находимъ еще характернаго выраженія его. Между-тѣмъ глухое недовольство новыми порядками существовало. Выразителемъ этого является Н. М. Карамзинъ, въ пресловутой запискѣ «О древней и новой Россіи». Не смотря на ея нелитературный характеръ, мы не можемъ не коснуться этого замѣчательнаго памятника, имѣя въ виду характеристику отрицательнаго направленія современной литера-

туры,—которое въ глубинѣ сводилось къ тому, что высказано въ этой домашней, такъ сказать, запискѣ Карамзина. Записка «О древней и новой Россіи» наполнена безпощадными, запальчивыми осужденіями всѣхъ либеральныхъ нововведеній и предпріятій, надъ которыми съ какимъ-то воодушевленіемъ трудилось правительство Александра I въ первые годы его царствованія. Карамзинъ усиливается въ ней доказать, что либеральныя реформы вредны для благосостоянія государства, что онѣ не соотвѣтствуютъ строю жизни русскаго народа. Не допуская существенныхъ измѣненій въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, онъ осмѣиваетъ замыслы и дѣйствія правительства, введеніе новыхъ началъ правленія, постановленіе, на примѣръ, закона выше государя и т. п.; подвергаетъ суровымъ осужденіямъ всѣ законодательныя предпріятія, въ частности труды Сперанскаго, учрежденіе министерствъ, мѣры ихъ къ усовершенствованію подлежащихъ отраслей управленія, въ-особенности мѣры министерства народнаго просвѣщенія; дѣйствія по вопросу освобожденія крестьянъ и другія проч. находятъ совершенно несостоятельными.

Записка Карамзина открываетъ намъ ту разницу, какая была между литературнымъ словомъ и дѣйствительными мыслями людей разсматриваемой эпохи. Она служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что еще лучше, образованнѣйшіе представители общества не могли обнять тѣхъ вопросовъ, которые возбуждало въ первые годы само правительство; показываетъ, что литераторы въ какой-то боязливости не могли сразу воспользоваться правами, которыя предлагало само правительство.—Вмѣстѣ съ этимъ мы, однако, видѣли, что литература не оставалась безгласною; поощренія правительства дѣйствовали на нее весьма живительно. Въ многочисленныхъ журналахъ, въ изданіяхъ различныхъ обществъ, вызванныхъ къ жизни въ первую половину царствованія Александра I въ такомъ количествѣ, что одинъ перечень могъ бы затруднить теперь насъ, то и дѣло стали появляться самостоятельныя статьи и переводы политическаго и общественнаго содержанія; вопросы о свободѣ печати, объ общественномъ устройствѣ, о крестьянствѣ, о дворянствѣ, о народномъ образованіи обсуждались по мѣрѣ силъ здраво, искренно,—но только какъ-то еще робко, нерѣшительно.

Нужно ли говорить, мм. гг., что въ этомъ литературномъ движеніи дѣйствовали тотъ же могучій двигатель, который давалъ новое направленіе внутренней и вѣшной жизни русскаго народа? И здѣсь Александръ I является силою одушевляющею, возбуждающею; его славное имя неизгладимо начертывается въ исторіи развитія литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ величественный образъ его свѣтлыми чертами рисуется въ плодахъ его самоотверженной, неутомимой дѣятельности—въ тѣхъ унаслѣдованныхъ нами государственныхъ учрежденіяхъ, которыя принадлежатъ преимущественно первой половинѣ его царствованія, и въ тѣхъ возвышенныхъ начинаніяхъ, выполнение которыхъ составляетъ славу царствованія АЛЕКСАНДРА II.

Преподаватель харьковской духовной семинаріи А. Стицревъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Января 9-го дня н. г., въ 3 часа утра, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни—тифозной горячки, напущенный св. Таинствами, скончался настоятель Нижне-Орельскаго (зміевскаго у.) прихода, священникъ Григорій Платоновичъ *Стаховскій*, на 58 году отъ рожденія. Покойный, будучи совершенно здоровъ и отъ природы крѣпкаго тѣлосложенія, при строго воздержной жизни, рассчитывалъ прожить еще многія лѣта, тѣмъ болѣе желаніе его было умѣстно, что у него остались двое дѣтей непристроенныхъ: сынъ въ семинаріи и дочь въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. На жену же свою въ этомъ отношеніи онъ не надѣялся, потому что она уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію, смерти которой въ послѣднее время онъ ожидалъ со-дня-на-день; и вотъ вмѣсто больной жены онъ самъ скончался, забывъ всѣ земныя попеченія.

О. Григорій Стаховскій—сынъ священника, воспитывался въ харьковской духовной семинаріи и, по окончаніи курса со степенью студента въ 1843 году, рукоположенъ во священника въ село

Михайловку въ Архангело-Михайловской церкви валков уѣзда, въ 1844 году перемѣщенъ въ село Нижнюю-Орель къ Казанской церкви; въ 1849 году получилъ одобрение епархіальнаго начальства; въ 1850 году награжденъ набедренникомъ и въ томъ-же году опредѣленъ катихизаторомъ, каковую должность проходилъ до дня смерти. Въ 1860 году получилъ бронзовый наперсный крестъ въ память войны 1853—56 г.; въ 1865 году Всемилоостивѣйше награжденъ скуфьею, а въ 1871 году камилавкою; въ 1877 г. утвержденъ въ должности блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ училищахъ.

О. Григорій былъ одинъ изъ лучшихъ и практическихъ священниковъ округа, такъ-что обществомъ духовенства онъ постоянно былъ избираемъ уполномоченнымъ отъ округа на съезды окружные и епархіальные. По смерти его остались: болѣзненная жена, два сына и двѣ дочери, вполнѣ обеспеченные; старшій изъ сыновей Александръ—священникомъ, въ настоящее время опредѣленъ на мѣсто отца, а младшій, Платонъ, воспитывается въ харьковской духовной семинаріи, одна дочь въ замужествѣ за свѣтскимъ лицомъ, а другая воспитывается въ харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Погребеніе въ присутствіи дѣтей его и многочисленнаго стеченія прихожанъ, послѣ божественной Литургіи, совершено 12 января мѣстнымъ благочиннымъ съ тремя священниками и тремя диаконами. Одинъ изъ священниковъ произнесъ у гроба усопшаго глубоко-прочувствованную рѣчь въ назиданіе прихожанъ, лишившихся своего пастыря, 33 года служившаго имъ; и нужно было видѣть какъ они его любили, по-истинѣ все прихожане присутствовавшіе въ церкви при погребеніи обливались горькими слезами.

Змѣвскаго уѣзда 2 округа благочинный, священникъ

Михаилъ Потляровъ.

Отъ главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ.

Въ № 17 «Московскихъ Вѣдомостей» настоящаго года напечатано слѣдующее объявленіе: «Отъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы комитета, для оказанія вспоможенія семействамъ убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и изувѣченныхъ на полѣ брани воиновъ, изъ капитала въ одинъ миллионъ рублей, пожертвованнаго Московскими купеческимъ и биржевымъ обществами».

«Комитетъ доводитъ до свѣдѣнія лицъ, желающихъ воспользоваться пособіемъ, что съ заявленіями о томъ они могутъ обращаться въ Московскую купеческую управу въ присутственные дни, отъ 12 до 2 часовъ».

«При заявленіяхъ должны быть представляемы слѣдующіе документы:

Отъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и изувѣченныхъ: а) удостовѣреніе о смерти или о полученіи увѣчья, лишающаго возможности снискивать пропитаніе трудомъ; б) свидѣтельство о числѣ лицъ, составляющихъ семейство, о ихъ возрастѣ и недостаточности состоянія.

Отъ другихъ же членовъ семействъ, сверхъ того: в) удостовѣреніе о томъ, что они только отъ умершаго или изувѣченнаго получали средства къ жизни, и нѣтъ лица могущаго замѣнить его; что лично они, по преклонности лѣтъ, тяжкимъ или неизлѣчимымъ болѣзнями и увѣчью, или же по малолѣтству — къ труду неспособны, и что послѣ умершаго не осталось жены и малолѣтнихъ дѣтей, а у изувѣченнаго не имѣется таковыхъ.

Семейства и лица, получившія или получающія какія-либо пособія отъ другихъ учреждений, должны въ своихъ заявленіяхъ объяснить, откуда и въ какомъ размѣрѣ таковыя получили или получаютъ.

Живущіе въ другихъ мѣстахъ могутъ обращаться съ заявленіями чрезъ почту».

Главное попечительство для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, находя полезнымъ, чтобы означенное объявленіе Московскаго комитета получило возможную гласность и чрезъ то сдѣ-

ялось известнымъ всѣмъ пострадавшимъ отъ войны, покорнѣе просить гггг губернаторовъ приказать перепечатать это объявленіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ и вообще распространять оное тѣми путями, которые они признаютъ наиболѣе удобными.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Пожертвованія въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ дѣйствующей Русской Арміи.

Съ 15 февраля по 1-е марта въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ въ Редакцію Харьк. епарх. вѣд. представлены собранья отъ прихожанъ пожертвованія: 1) с. Крючковъ (изюмск. у.) священ. М. Сенявина лично 5 р. и прихожанъ 15 р. 3 к. (получены 8 декабря 1877 г.) и 40 арш. холста; 2) прот. Г. Дюкова 5 р. 68 к.; 3) с. Михайловскаго (зміевск. у.) священ. Н. Шебатинскаго 10 р.; 4) с. Сергѣевки (изюмск. у.) священ. Ѳ. Измайлова 14 р. 25 к. и холста 40 арш., рубахъ 30, и 5) с. Петро-Павловки (волч. у.) священ. І. Гризодубова кружечнаго сбору 9 р. 14 к. и отъ прихожанъ И. М. Радченка 10 р., В. К. Леонова 2 р., С. М. Переплетенка 1 р., Н. И. Гриль 1 р., М. П. Осиковскаго 1 р., С. И. Шепенка 1 р., Е. С. Кипфа 1 р., Д. А. Онищенко 50 к., Е. Ф. Онищенко 50 к. и П. Ф. Онищенко 50 к. Итого деньгами 78 р. 10 к., передано въ канцелярію Его Преосвященства 58 р. 7 к.

Съ 15 февраля по 1-е марта въ канцелярію Его Преосвященства, кромѣ 58 р. 7 к., переданныхъ Редак. Харьк. епарх. вѣдом., поступило: 1) отъ іеромонаха Даніила 3 р.; 2) благоч. 3-го округа ахтырскаго уѣзда 36 р. 55 к.; 4) купянскаго уѣзда помѣщицы Ю. И. Косинской 25 р., и 5) отъ старобѣльскаго Скорбященской женской общины тюкъ съ бѣльемъ и вещами. Итого 132 р. 62 к., а съ прежними 13.042 р. 50 к. Отослано въ харьковское управленіе Общества попеченія о раненыхъ воинахъ 132 р. 62 к.

Съ 15 февраля по 1-е марта поступило въ Редакцію пожертвованій въ пользу славянъ: 1) отъ старобѣльскаго уѣзда священ. А. Агнивцева 7 р. 72 к.; 2) с. Петро-Павловки (купянск. у.) свя-

щей. Н. Базилевича холста 75 арш., рубахъ 102, исподнихъ 8, головныхъ наволокъ 17, простынь 7, нитокъ 3½ ф. и 10 рублей и 3) с. Крючковъ (изюмск. у.) свщ. М. Сенявина 50 арш. холста. Итого деньгами 17 р. 72 к., а съ прежними 654 р. 88 к. Состоить въ Редакціи 18 р. 38 к., вещи переданы по назначенію.

Въ прошломъ 1877-мъ году, въ приходскомъ Преображенскомъ храмѣ въ селѣ Боркахъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, расписаны стѣны внутри храма, al fresco — масляными красками, живописцемъ Василиемъ Навловичемъ *Молчановымъ*, живущимъ въ городѣ Харьковѣ, Москалевской части, въ Столярномъ переулкѣ.

По оцѣнкѣ мѣстнаго благочиннаго, приходскаго духовенства, приходскаго попечительства, всѣхъ мѣстныхъ жителей, а равно и лицъ вполне компетентныхъ, найдено, что всѣ живописныя работы Молчанова исполнены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, удовлетворяя и чувству изящнаго и требованіямъ православной церкви. Приходской попечительскій съездъ, журналомъ отъ 5 декабря 1877 года, постановилъ: благодарить В. П. Молчанова, черезъ Харьковскія епархіальныя вѣдомости, дабы оо. настоятели и церковныя старосты могли безъ страха довѣрять ему всѣ таковыя работы.

Предсѣдатель попечительства Борковского прихода штабсъ-капитанъ Д. В. *Жуковъ*.

№ 4-й Харьк. Епарх. Вѣд. сланъ на почту 19 февраля.

Дозволено цензурою. 28 февраля 1878 года. Харьковъ.

Цензоръ, протоіерей А. *Федоровскій*.

Редакторъ, Протоіерей *Чижевскій*.

Харьковъ. Въ Университетской Типографіи, 1878.